

О целях поэзии

Ж

ан Кокто сказал: «Поэзия необходима — знать бы только, для чего». Кто лучше самой поэзии может знать, для чего она нужна? Спросим великих поэтов и мыслителей — и найдем пять разных ответов, пять взглядов на природу и назначение поэзии.

1. Идеально-религиозный

Поэзия — божественная гармония, вносимая в мир для разрешения всех его скорбей и противоречий, голос Абсолютного, Всеединого. Такой взгляд глубже всего выражен у Ф. В. Й. Шеллинга, а в русской поэзии — у Ф. Тютчева:

Поэзия

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

2. Субъективно-психологический

Поэзия утешает, врачует душевные раны, разряжает эмоциональные порывы, спокойным созерцанием вытесняет бессмысленное волнение воли. Гармония здесь мыслится не

как высшее космическое начало, а как психологическая потребность и терапевтическое средство. Такой взгляд, если не считать соображений Аристотеля о катарсисе, был последовательнее всего выражен А. Шопенгауэром (поэзия как отрешение от мировой воли и путь к созерцательной нирване) и З. Фрейдом (поэзия — сублимация и вытеснение полового инстинкта), а в русской поэзии — Е. Баратынским:

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей,
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастице своей.

3. Стихийно-демонический

Поэзия — антинравственна, антиобщественна, противозаконна. В ней находит выход первичная оргиастическая стихия, безудержность и невнятность мирового хаоса. На поэте лежит печать проклятия и отверженности, он преступает любые законы, низвергает святыни. Его дело — быть выражением музыкально-волевого напора, бушующих подземных недр бытия. Таково воззрение Ницше на «дионисийскую», демоническую природу искусства, выраженное впоследствии А. Блоком:

К Музе

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.
И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...

4. Действенно-социальный

Поэзия призвана не примирять, а воинствовать, но не потому что она есть голос раздирающих друг друга стихий, а потому что выражает волю одной из сил к победе. Не борьба сама по себе вдохновляет поэта, а побе-

да в борьбе, и слово есть орудие власти. Поэзия зовет к поступку, вмешательству в реальную жизнь. Это воззрение выросло из философии Просвещения и затем нашло обоснование в марксизме, а в русской поэзии лучше всего выражено у Маяковского («Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо»):

<Неоконченное>

Я знаю силу слов, я знаю слов набат.
Они не те, которым рукоплещут ложи.
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек.
Бывает, выбросят, не напечатав, не издав,
но слово мчится, подтянув подпруги,
звенит века, и подползают поезда
лизать поэзии мозолистые руки.

Таким образом, поэзия есть

1. Выражение изначальной, объективной гармонии.
2. Способ достижения душевной, субъективной гармонии.
3. Выражение изначального, объективного хаоса.
4. Способ вовлечения в битву и обретения победы.

Эти четыре представления возникают из сочетания двух двоичных оппозиций: *гармония — хаос* и *объективное — субъективное*.

5. Возможно и пятое воззрение, противоположное всем предыдущим, поскольку отрицает за поэзией какой бы то ни было смысл, считая ее бесполезной или даже вредной. Этот нигилистический взгляд развивается на крайне идеалистической (Платон) или крайне материалистической (Д. Писарев) основе. В первом случае — поэзия не нужна, потому что слишком чувственна, привязана к материальной жизни — и далеко отстоит от мира чистых идей. Во втором — слишком фантастична, прихотлива и отдалается от жизни в сторону самодовлеющих отвлеченных идеалов.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои...

Ф. Тютчев

...Боюсь я,
Чтоб персты, падшие на струны,
Не пробудили вновь перуны,
В которых спит судьба моя.

И отрываюсь, полный муки,
От музыки, ласковой ко мне,
И говорю: до завтра, звуки —
Пусть день угаснет в тишине.

Е. Баратынский

..Отвергнул струны я, —
Да хрящ другой мне будет плодоносен!
И вот несет ему рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простяся с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти
Поэзии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети.

Е. Баратынский

Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо.

А. Фет

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

А. Блок

Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.

В. Маяковский

Как ни парадоксально, все эти пять воззрений предполагают, что основные цели поэзии лучше достигаются не поэзией, а другими средствами.

Если поэзия — выражение изначальной гармонии, то не искать ли еще более чистого ее выражения в природе, например, в море, волны которого так певучи, что человеческий голос перед ними — одинокий ропот? Слово возмущает чистые ключи бытия.

Если поэзия — целительница, то не лучше ли нас исцеляет сон, забвение, молчание, небытие? Ведь, врачуя рану, прикасаясь к ней, легко ее разбередить и, изживая песнью несчастья и тревоги, накликаешь их вновь, привлечь словом «перуны судьбы».

Если поэзия — голос мирового хаоса, то не лучше ли непосредственно раствориться в нем, минуя его отражение в книгах, где хаос не выплескивается за пределы переплетов?

Если поэзия — могучая сила действия, то не надежнее ли — прибегнуть к штыку или маузеру?

Пятый взгляд на поэзию как на нечто бесполезное не только противостоит предыдущим четырем, но и объемлет их, а по сути — из них вытекает. Если утверждать, что поэзия нужна потому-то и для того-то, то в конце концов придется согласиться, что она полностью бесполезна, поскольку те же цели лучше достигаются без нее: маузер стреляет точнее, море колышется вольнее, дерево вырастает в почву глубже...

Но из этого вытекает только то, что поэзию, как и жизнь, нужно полюбить прежде смысла ее, не доискиваясь целей. Это можно было бы назвать шестым взглядом, но в том-то и дело, что это уже не «взгляд на», а «любовь к». Поэзия столь же естественна и неосмыслима, как и жизнь. Поэзия — это сердце, бьющееся в речи и разгоняющее — переносящее — смысл слов по всему мирозданию. По сравнению с поэзией просто жизнь есть аритмия, вялость сердечной мышцы, силы которой хватает только на то, чтобы перегонять кровь в теле, — низшая степень жизненности. Поэзия — жизнь вдвойне, она распространяется на такие сферы сознания, культуры, воображения, о которых обычная жизнь не смеет и мечтать. Это высшая степень здоровья, когда ритмично пульсируют мысль и речь и когда в такт сердцу начинает биться всё мироздание.